

Век. Москва, — 1995. — 15 сент. — с. 8.

Русское сердце

Его любили все, кто знал.

Он любил всех, кого знал.

Причем не в ответ — а первым, благодаря открытому и доброму сердцу, в которое впадали, как в Байкал, 336 рек, вся страна, и из которого брала начало, как Ангара, музыка. Он был в ней В. Ершовым, чей «Конек-Горбунок» — знак качества русской удали, и Ф. Васильевым, чьи пейзажи — знак качества русской печали.

В песнях, опереттах и концертах для оркестра народных инструментов композитора Александра Аверкина (сегодня исполняется 40 дней со дня его смерти) гуляла неумемная национальная стихия («На побывку едет молодой моряк», музыка к частушкам «Ярославских ребят») и замирала национальная грусть («Мама, милая мама» и «Мне березка дарила сережки»).

В феврале в Колонном зале прошел юбилейный концерт композитора в связи с его 60-летием («Вечерка» об этом писала), где я читал такие строки: «За музыкой беги, беги! О быт, о звезды

спотыкайся! Но век наш, как песок сквозь пальцы, не пропускай... И две руки пускай Россия направляет — Россия нас не подведет... А музыка совсем не знает, откуда и куда плывет...». А через полгода пришлось писать другие стихи: «Смеялись в жизни мы гораздо чаще, чем плакали, — не веря в смертный суд, — что подтвердит наш общий черный ящик, который через сотни лет найдут. Смерть обжигает вспышкой автогенной друзей, в живых оставшихся, слепя... Без музыки бы не было Вселенной, без музыки бы не было тебя».

В «черном ящике» России песни Александра Аверкина не «сотрутся» долгие-долгие годы. Об этом говорили на похоронах Н. Кутузов, художественный руководитель Академического хора русской песни Всероссийского телевидения и радио, Виктор Боков и Л. Зыкина, сказавшая, что песни композитора звучат не только на его Родине, но и в Японии, и в Германии, и во многих других странах.

Не верится, что Александр Аверкин умер. Трагическому факту смерти противостоит его живая улыбка, раздвигавшая лично для меня границы бытия и пространства.

Вениамин БУТЕНКО